ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

УДК 009, 159.9

ББК 74

DOI: 10.33065/2307-1052-2021-3-37-8-17

Государственная академия художественных наук: традиции и современность

Часть вторая: «Тлеющие традиции в теле современности»

Гусельцева Марина Сергеевна,

доктор психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования, ведущий научный сотрудник Школы антропологии будущего, Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия, orcid.org/0000-0002-0545-0612

Аннотация: Государственная академия художественных наук (ГАХН) – феномен российской культуры начала XX в. Архивные реконструкции ее истории продолжают по сей день. Научно-исследовательской задачей ГАХН являлось всестороннее изучение вопросов искусства и художественной культуры, решение проблемы синтеза искусств, а также объединение отечественных специалистов, работавших в этой области. Возникновение ГАХН было обусловлено, с одной стороны, строительством институций молодого советского государства, с другой – устремлениями к междисциплинарности и творческому синтезу в качестве инерционного движения культуры серебряного века. Уникальность ГАХН заключалась в интеграции дореволюционных академических и рождающихся советских практик. Однако на рубеже 1920–1930 гг. в советском государстве активизировались репрессивные тенденции: поиски врагов, «чистки» и массовые аресты охватили научные учреждения. «Академическое дело», «Дело славистов», «Пулковское дело», «Ленинградское дело» и другие привели к гибели множества ученых и утрате научных направлений, разгрому, прежде всего, социогуманитарных наук. «Холодная гражданская война» как результат неизжитых культурно-психологических травм XX в. несет риски тлеющих традиций тоталитаризма. Необходимы деятельность просвещения, ответственная педагогическая и психологическая работа с исторической памятью, восстановление забытых имен и культивирование установок на общественное согласие в сложном и разнообразном современном обществе.

Ключевые слова: методология, история культуры, Государственная академия художественных наук, образование, латентные традиции, историческая память, трансдисциплинарность.

State Academy of Arts: Tradition and Modernity.

Part Two: «Smoldering Traditions of Modernity»

Guseltseva Marina S.,

Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of Adolescent psychology Laboratory, Psychological Institute of the Russian Academy of Education; Leading Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, orcid.org/0000-0002-0545-0612

Abstract. The State Academy of Arts is a phenomenon of Russian culture at the beginning of the 20th century. Archival reconstructions of its history are still continuing. The scientific research task of the State Academy of Arts was a comprehensive study of the issues of art and artistic culture, the solution of the problem of the synthesis of arts, as well as the unification of domestic specialists who worked in this field. The emergence of State Academy of Arts was conditioned, on the one hand, by the building of the institutions of the young Soviet state, and, on the other hand, by aspirations for interdisciplinarity and creative synthesis as an inertial movement of the Silver Age culture. The uniqueness of State Academy of Arts was the integration of pre-revolutionary academic and emerging Soviet practices. However, at the turn of 1920-1930-ies in the Soviet Union, repressive tendencies intensified: searches for enemies, «purges» and mass arrests swept over scientific institutions. «Akademicheskoe Delo», «Delo Slavistov», «Pulkovskoe Delo», «Leningradskoe Delo» and others led to the death of many scientists and the loss of scientific directions, the defeat, above all, of the socio-humanitarian sciences. «Cold Civil War» as a Result of the Cultural and Psychological Traumas of the Twentieth Century carries the risks of the smoldering traditions of totalitarianism. What is needed is educational activities, responsible pedagogical and psychological work with historical memory, the restoration of forgotten names and the cultivation of attitudes towards social harmony in a complex and diverse modern society.

Keywords: methodology, cultural history, State Academy of Arts, education, historical memory, latent traditions, interdisciplinary discourse.

Светлой памяти искусствоведа Ольги Сергеевны Северцевой (1931–2021),
неутомимого исследователя и хранителя семейных архивов,
содержащих документы истории ГАХН

Осмысление уроков истории XX в. – важная составляющая педагогической и психологической работы современного общества. История каждой страны содержит события побед и поражений, достижений и потерь. Становление гражданской идентичности современного человека – сложный процесс, опирающийся и на историческую память, и на позитивные образы будущего. В первой части статьи [Гусельцева 2021]¹, посвященной феномену Государственной академии художественных наук (ГАХН) речь шла скорее о достижениях российской культуры и востребованности современностью идей и направлений начала XX в. Вторая часть статьи посвящена осмыслению неизжитых культурных травм и скорбным страницам отечественной истории.

1. Основой статьи послужила презентация, подготовленная для первого открытого мероприятия Школы антропологии будущего ИОН РАНХиГС «Стратегирование "понятного завтра": проекции осмысленного будущего» 13.12.2019 г. [Электронный ресурс] URL: https://drive.google.com/file/d/1MxjtpW2_h-SCeQECxiPq-8zJIN495PYw/view (дата обращения: 12.02.2021).

Чистки в ГАХН. Так называемые «чистки» настигли ГАХН в 1929 г. С марта в Академии работала комиссия по проведению обследования, согласно рекомендациям которой, в Академии следовало организовать марксистскую ячейку с целью перевоспитания всех «желающих овладеть марксистским методом» [Акимов 2015: 1]. По итогам работы комиссии был создан кабинет марксистской методологии искусств, а для обеспечения его работы командированы теоретики из Коммунистической Академии, РАНИОН. В архивах РГАЛИ сохранился подробный отчет Г. И. Челпанова о научной деятельности, в котором, как и множество других сотрудников ГАХН, он был вынужден в 1929 г. отбиваться от обвинений в идеализме. «Упреки в том, что моя психология идеалистическая основаны на недоразумении, проистекающем вследствие ложного убеждения, что в русской науке существует марксистская психология...» [РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 675. Л. 29].

25 ноября 1929 г. было опубликовано постановление коллегии Наркомпроса о реорганизации ГАХН. 1 декабря 1929 г. президиум ГАХН исключил из Академии: «В. А. Никольского, С. А. Полякова и Г. О. Гордона, как находящихся в ссылке, и В. В. Кандинского и Л. Л. Сабанеева, как эмигрантов» [Якименко 2005: 152]. В резолюции комиссии по чистке 1930 г. указывалось, что Г. Г. Шпет превратил ГАХН в «крепкую цитадель идеализма», собрал в Академии формалистов, реакционеров и даже контрреволюционеров «типа Лосева, Шапошникова, Никольского, Морица» [Акимов 2015: 1].

14 января 1930 г. сформирован новый Устав Академии. Реорганизации ГАХН подразумевала, что ее секции изучают теперь отдельные виды искусства, а руководители формируют группы, направленные на выполнение тематических заданий. Общее методологическое руководство должны осуществлять теоретики из Коммунистической Академии. Таким образом, в 1930 г. ГАХН была реорганизована, а в 1931 ее расформировали [Полева 1999]. «Реорганизованная и очищенная от “чуждых элементов”, Академия художественных наук утратила свое своеобразие. Ее существование больше не имело смысла...», отмечает Ю. Н. Якименко [Якименко, 2005: 158]. Постановлением СНК РСФСР №436 от 10 апреля 1931 г. ГАХН ликвидирована и вошла в состав Государственной академии искусствознания (ГАИС). Несмотря на тот факт, что большинство сотрудников ГАХН были репрессированы [Полева 1999], некоторым удалось вписаться в повседневность и академическую культуру советской эпохи. Среди этих ученых с так или иначе изломанной судьбой оказался искусствовед А. Г. Габричевский (1891–1968) [Северцева 2011].

На рубеже XX–XXI вв. усилиями современных исследователей [Алпатов 2012; Алымов 2009; Богданчиков 2013; Дмитриева 2005, 2007; Орлов 1995; Северцева 2011; Стояхина 2017; Тумаркин 2002; Ярошевский 1991; Ясницкий, Завершнева 2015; Ясницкий, Ламдан 2017; и др.] стало восстанавливаться и реконструироваться это выкошенное поле ученых в области искусства, философии, социогуманитарных, экономических и естественных наук первой половины XX в.

Для культурно-психологического анализа феномена массовых репрессий, подорвавших российское социогуманитарное знание и затормозивших культурное развитие страны, необходимо выйти за пределы изучения ГАХН, рассмотрев весь исторический контекст XX века.

Выкошенное поле науки. По завершении гражданской войны с эксцессами как красного, так и белого террора нормализация жизни в стране постепенно налаживалась, однако в 1925–1926 гг. стал набирать силу репрессивный тренд, и исключительно изучения феномена сталинизма явно недостаточно, чтобы понять глубинные механизмы воспроизводства тоталитарных традиций в той или иной культуре. Банальность и рационализации зла [Арендт 2003; Добренко, 2020; Пастухов 2014] – проблемы на

стыке истории, антропологии и психологии, требующие трансдисциплинарного подхода.

В 1926 г. в СССР была принята новая редакция Уголовного Кодекса, в нем появилась дискриминирующая 58 статья, согласно которой аресту подлежали все члены общественных организаций, если их руководитель вдруг оказывался обвинен в контрреволюционных деяниях. Репрессивный тренд советского государства отчетливо обозначился к 1929 г., маркируемом в историографии как год «великого перелома» [Добренко, Тиханов 2011: 140]. В 1929 г. появляются Постановление ЦИК и СНК СССР «О чистке аппарата государственных органов, кооперативных и общественных организаций», а также «Инструкции НК РКИ по проверке и чистке советского аппарата». В 1930 г. опубликовано Постановление ЦК ВКП(б) «О партруководстве чисткой советского аппарата» и ЦК и ЦКК ВКП(б) «О ходе проверки и чистки советского аппарата» [Якименко 2005: 155].

В 1927 г. советская власть озаботилась взять под контроль Академию наук. «Кремль хотел, чтобы президента, вице-президента и неперменного секретаря Академии стал утверждать Совнарком» [Огрызко 2019: 4]. Условием сохранения некоторых академических свобод выступило формирование внутри Академии подотчетной властям марксистской фракции. Заместитель наркома просвещения РСФСР и один из организаторов альтернативной Коммунистической академии М. Н. Покровский (1868–1932) особенно настаивал на радикальной реорганизации гуманитарного отделения Академии наук, «и в смысле личного состава, и в отношении программы занятий», а также предлагал «вовсе его прикрыть» (цит. по: [Павленко 1999: 28]). В 1929 г., заявив, что «период мирного сожительства с наукой буржуазной изжит до конца», он внес проект «усиления гуманитарного отделения Академии» за счет марксистско-ленинских учреждений, которые, однако, не имели ни авторитетных историков, ни крупных филологов [Павленко 1999: 28]. После этого последовала «чистка» сотрудников гуманитарного отделения

Согласно Н. И. Павленко, пять громких процессов, организованных ОГПУ на рубеже 1920–1930-х гг., «положили начало широчайшей волне репрессий» [Павленко 1999: 27]. Это было «Шахтинское дело» (горным инженерам инкриминировалось «вредительство»), фабрикация дел «Промпартии» и вовсе не существовавшей «Трудовой крестьянской партии». Репрессии нанесли удары по специалистам в сферах инженерии и экономики. Так, в 1930 г. в связи с «Делом Промпартии» происходят массовые аресты научно-технической интеллигенции: репрессированы представители «Союза инженерных организаций», «Промышленной партии» [Гончаров, Нехотин 1998: 173–177; Есиневиц 2004]. В 1929–1931 гг. разворачивается большое «Академическое дело», на этот раз сфабрикованное ОГПУ против краеведов, историков-архивистов, ученых Академии наук. В ходе него пострадала интеллектуальная элита Ленинграда, Москвы и других городов – такие авторитетные исследователи, как А. И. Андреев, С. В. Бахрушин, М. М. Богословский, Ю. В. Готье, Н. П. Лихачев, М. К. Любавский, С. Ф. Платонов, В. И. Пичета, Б. А. Романов и Е. В. Тарле, в общей сложности 85 человек [Павленко 1999]. В 1930-е гг. сфабриковано дело о большом русско-немецком словаре [Акимова 2015; Гейвандов, 2018], называемое также делом о «немецкой фашистской организации в СССР» [Гончаров, Нехотин 1998: 185–187]. Это дело имело непосредственное отношение к сотрудникам ГАХН, которым ставилось в вину сотрудничество с издательством Academia, переводившим классиков немецкой, французской и английской литературы. Именно в подготовке к публикации большого немецко-русского словаря обвинители обнаружили идеологическую неблагонадежность, «буржуазно-либеральные и

фашистские толкования», «организацию широкой пропаганды фашизма путем издания немецко-русских словарей» [Акимова 2015: 1]. Новая волна репрессий против ученых по делу «О немецко-фашистской контрреволюционной организации на территории СССР» развернулась в 1935 г., в ходе этой кампании было арестовано 140 человек, в том числе А. Г. Габричевский, Г. Г. Шпет, М. А. Петровский, Б. И. Ярхо и др. «Большинство арестованных были филологи, лингвисты, чьей специальностью был немецкий язык: преподаватели вузов, переводчики, составители словарей, редакторы» [Акимова 2015: 1]. Реабилитация по делу о «большом русско-немецком словаре» состоялась лишь в 1989 г.

В марте 1935 г. был арестован и сослан в Енисейск Г. Г. Шпет, спустя два года вторично обвинен в антисоветской деятельности и расстрелян в Томске 16 ноября 1937 г. (посмертно реабилитирован в 1956) [Поливанов и др. 1995]. Его коллега по ГАХН М. А. Петровский² был также арестован и в 1935 г. выслан в Томск, где работал ученым-библиографом научной библиотеки Томского университета. 10 ноября 1937 расстрелян (посмертно реабилитирован в 1956 г.) [Петровский Михаил Александрович].

«Академическое дело» нанесло большой урон отечественной исторической науке: оборвалась преемственность в подготовке кадров, на несколько лет заглохла исследовательская работа. Изучение многих аспектов исторических знаний, например народничества, истории церкви, дворянства, буржуазии, оказалось под фактическим запретом» [Павленко 1999: 30]. Однако неизмеримы нравственный и физический ущерб, который претерпели крупнейшие ученые страны, тот антропологический надлом, который существенно понижал качество и управленческой, и интеллектуальной элиты.

В 1933–1934 гг. секретно-политическим отделом ОГПУ было сфабриковано т.н. «дело славистов» [Ашнин, Алпатов 1994; Гончаров, Нехотин 1998: 180–183]. «Органы ОГПУ постарались изъять из науки большую группу высококлассных ученых и педагогов, авторов значительных работ» [Ашнин, Алпатов 1994: 33]. Репрессии настигли филологов, краеведов, музейных работников, искусствоведов, этнографов, а также врачей и агрономов. Всех этих специалистов объединяло лишь то, что они получили высшее образование до революции. Аресты по данному делу происходили в Москве и Ленинграде, а также в Ярославле, Смоленске, Краснодаре, Харькове. «Целью этой кампании было не столько уничтожение, сколько запугивание и унижение людей, воспитанных в иной системе ценностей по сравнению с господствовавшей», полагают Ф. Д. Ашнин, В. М. Алпатов [Ашнин, Алпатов 1994: 3]. Одному из проходившему по делу знатоку старомосковской архитектуры вменялось, что он «возбуждал любовь к прошлому», другим приписывали «контрреволюционную пропаганду» [Ашнин, Алпатов 1994: 9]³. (Реабилитация репрессированных по данному делу происходила с 1956 по 1990 гг.).

1936–1937 гг. запомнились «Пулковским делом», массовыми арестами сотрудников Пулковской обсерватории и иных научных организаций – астрономов, геологов, геофизиков, геодезистов, математиков. В те же 1936–1937 гг. развернулось «Ленинградское дело» – репрессии против руководящих работников, управленческой элиты. «Аресты 1936–1937 гг. захватили все научные академические учреждения Ленинграда: институты, главную астрономическую обсерваторию, библиотеку, типографию, издательство и т.д.» [Тумаркин 2002: 209]. В 1936–1938 гг. массовые репрессии обрушились на востоковедов, ученых-японистов и преподавателей японского языка. Некоторые впоследствии

2. Петровский Михаил Александрович (1887–1937) – филолог, литературовед, переводчик. М. Акимова отмечает его достойное и мужественное поведение на допросах, где ученый констатировал противоестественность режима, который «держится благодаря беспримерному жесточайшему террору, в основном против интеллигенции» [Акимова 2015: 1].

3. Заметим, что об арестованных в 1933–1934 гг. выдающихся ученых славистах впоследствии был написан ряд научных работ, однако в них «обойдены молчанием самые трагические периоды их жизни» [Ашнин, Алпатов 1994: 17].

оказались освобождены, но большинство погибло в лагерях [Алпатов 1991]. «Арестом Конрада⁴ замыкалась одна из бесчисленных цепочек арестов “по специальности”, когда “вычищались” целые научные учреждения – от дворника до директора института, от аспиранта до академика и члена-корреспондента. Такой участи подвергся и институт востоковедения – бывший азиатский музей, гордость отечественной науки, где концентрация специалистов мирового уровня была едва ли не наибольшей во всей академии. Сегодня то, что произошло с востоковедением в 1930-е годы, признано катастрофой» [Тумаркин 2002: 210].

Массовые аресты этнографов накатывали волнами в 1929, 1932 и 1947–1948 гг. «Рубеж 1940–1950-х гг. традиционно и справедливо считается мрачным временем разгула идеологических обвинений, которым подвергались наиболее независимо мыслящие советские ученые» [Алымов, 2009]. Списки пострадавших от репрессий людей, разгромленных научных школ и ликвидации целых областей знания можно приводить и дальше [подробнее см.: Гусельцева 2014: 120–130, 187, 250–260; Гусельцева 2018: 22, 27–29]. Однако все это подводит нас к недостаточно вскрываемой именно в контексте педагогики и психологии проблеме политических репрессий. Ее актуальность обусловлена сегодня важностью просвещения и психологической работы с культурными травмами XX в., поскольку эти загнанные вглубь и неосмысленные проблемы создают риски как подспудной, непрекращающейся трансляции, так и актуализации в современности тлеющих традиций тоталитаризма.

Тлеющие традиции. Широко известна сказанная Ю. Фучиком перед казнью фраза: «Люди, будьте бдительны» [Тураев 1984: 3; Фучик 1947; Фучик, 1956: 712]. Традиции не только заново изобретаются, как показал Э. Хобсбаум [Хобсбаум 2000], но разные и, казалось бы, уже преодоленные традиции в любой момент могут вспыхнуть с новой силой в современности. Так, в свое время последовательно не была проведена десталинизация, система образования не поставила перед собой задачи профилактической работы с посттоталитарным сознанием. Сегодня мы как психологи и педагоги явно недостаточно трудимся над тем, чтобы антигуманистические и обскурантистские традиции перестали разрушать нашу страну, подавлять развитие науки и мучить живых людей.

Однако «репрессированная наука», «разгром педологии и психотехники» [Ярошевский 1991: 9–10] – в наши дни, возможно, не вполне релевантный дискурс, ибо речь, прежде всего, идет о погубленных и изломанных судьбах конкретных личностей, а уже во вторую очередь о дискриминации социальных групп (интеллигенция, крестьяне, меньшинства) и потерянных научных направлениях. Для гуманизации общества необходимо поименно вспомнить и реконструировать биографии убитых и забытых ученых, а также случайно попавших в жернова истории людей. Именно по этому пути реконструкции исторической памяти пошли этнографы [Тумаркин 2002], геологи [Орлов 1995], историки и языковеды [Алпатов 1991, 2012].

В педагогике и психологии такой работе уделяется недостаточно усилий. Тем не менее, следует отметить актуальные исследования Н. Ю. Масолюковой, М. Ю. Сорокиной, Н. Ю. Стоюхиной и др. [Дзюра 2012; Масолюкова, Сорокина 2010; Сорокина 1997; Стоюхина 2017]. Так, благодаря неустанным архивным штудиям и публикационной активности названных коллег, к списку репрессированных психологов постоянно добавляются новые имена. Согласно Н. Ю. Стоюхиной, изучение истории науки имеет

4. Кónрад Николай Иосифович (1891–1970) – филолог, востоковед, японист. 29 июля 1938 г. был арестован по обвинению в шпионаже (ст. 58-1а УК РСФСР, «японский шпион»), подвергался систематическим пыткам в ходе следствия, в 1939 г. сослан в Красноярский край. В сентябре 1941 г. благодаря хлопотам академического сообщества, в том числе президента АН СССР В.Л. Комарова был освобожден [Алпатов 1991: 317].

не только познавательный, но и весьма практический – моральный и педагогический – смысл: ибо многие сюжеты истории повторяются, «прошлое дает нам представление о том, как можно вести себя в той или иной ситуации», а «знание истории, особенно – истории твоих профессиональных предшественников – помогает принимать правильное решение в жизни» [Стоюхина 2013: 1].

Интегрирующую роль в современных социогуманитарных исследованиях играет трансдисциплинарный подход [Гусельцева 2019: 221–238]. Психология, история и антропология повседневности совокупными усилиями ищут ответы на вопросы о «банальности зла» [Арендт 2003; Зимбардо 2013], позволяют отслеживать, как и почему менялось качество элиты в истории [Сорокина 1997; Ясницкий, Завершнева 2009]. Посредством этой же оптики можно наблюдать как эволюционировало образование, изменялись на протяжении истории жизненные установки людей, ценности, поведенческие стратегии, этические нормы [Zigon, 2010], а также достоинство и качество жизни.

Сходные тенденции прослеживаются в различных сферах культуры. Так, обратимся к эволюции российского образования не в привычном ракурсе сравнения по ряду параметров «тогда» и «сейчас», но сопоставив биографические материалы наркомов (а с 15 марта 1946 – министров) просвещения: показательно, что три высокопоставленных чиновника системы образования в сталинскую эпоху оказались репрессированы.

Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1938), нарком просвещения РСФСР с 1929 по 1937 гг., сменивший на этом посту А. В. Луначарского, был арестован за антисоветскую террористическую деятельность («шпионаж в пользу Германии») 17 октября 1937 г. и 1 августа 1938 г. расстрелян на полигоне «Коммунарка» (где также была расстреляна его жена – искусствовед Государственного исторического музея). 14 марта 1956 г. реабилитирован.

Тюркин Петр Андреевич (1897–1950), третий нарком просвещения РСФСР с 1937 по 1940 гг., 19 ноября 1949 г. был арестован по «Ленинградскому делу» (ст. 58 УК РСФСР), скончался в больнице Бутырской тюрьмы. Посмертно реабилитирован в 1959 г.

Вознесенский Александр Алексеевич (1898–1950), министр просвещения РСФСР (в 1948–1949 гг.), 19 августа 1949 г. тоже был арестован по «Ленинградскому делу» (ему инкриминировалась «измена Родине, участие в контрреволюционной организации и антисоветской агитации»). Расстрелян в 1950 г., реабилитирован в 1954 г.

Следует отметить, что из четырнадцати сталинских наркомов, явившихся героями иллюстрированной агитационной брошюры для пионеров «Твои наркомы у тебя дома» [Агнивцев 1926] лишь троим удалось завершить жизненный путь естественной смертью. Однажды запущенная машина репрессий не щадит никого: ни управленческие элиты, ни случайно подвергнувшихся обывателей, ни интеллектуалов. Б. Паскалю приписывают фразу: если Францию покинут триста ученых, она превратится в страну идиотов. С утверждением можно поспорить, однако представляется, что в России еще не наступил момент истины – трагическое осознание, какую цену заплатило общество и русская культура за уничтожение в маховике репрессий таких ренессансных личностей, как, например, Н. А. Бруни⁵.

Бруни Николай Александрович (1891–1938), «поэт, прозаик, скрипач и пианист, говоривший на европейских языках, живописец, один из первых русских авиаторов, оставил след в отечественной авиации как авиаконструктор, разработавший новую

5. В XX в. «из Европы, куда Россия исторически вошла с Пушкиным, она вернулась в Московию Ивана Грозного» [Мильдон 2013: 20]. «В результате произошло понижение человеческого типа, страна вернулась к доренессансному состоянию, ее культура, литература провинциализовались – так определяли положение разные наблюдатели независимо друг от друга» [Мильдон 2013: 18].

кинематическую схему автомата перекоса несущего винта вертолета, которая и до сих пор используется во всем мире, играл в сборной команде Петербурга по футболу, полный Георгиевский кавалер; находясь в сталинском концлагере под Ухтой (где был расстрелян), создал памятник Пушкину к 100-летию со дня его смерти (сейчас он стоит в г. Ухта)» [Мильдон 2013: 15]. 21 декабря 1937 г. Н. А. Бруни был приговорен по обвинению в «контрреволюционной агитации» тройкой УНКВД к расстрелу (статья 58-10 УК РСФСР), 10 августа 1956 г. реабилитирован посмертно.

Проработка культурных травм. Непреходящую актуальность проработки культурных травм средствами просвещения и образования ярко демонстрируют две книги, затрагивающие проблемы расколотого общества: по линиям социальных и гражданских конфликтов, с одной стороны, различия исторической памяти – с другой. Так, сборник работ венгерских авторов вводит объяснительный конструкт «холодная гражданская война» [Калинин 2009: 5], описывающий социокультурную атмосферу постсоветских стран, включая и российские события второй половины XX в. В свою очередь, исследование Н. Эппле посвящено проблемам исторической памяти [Эппле 2020]. Автор приходит к выводу, что «объективной реальности прошлого не существует» [Эппле 2020: 11], поскольку субъективная память служит ее основой. «То, что кажется понятным и очевидным в одной перспективе, далеко не всегда остается таковым в другой. <...> Память, разделенная даже на уровне одной семьи, – результат молчания о прошлом, отсутствия возможности и желания искать общий язык для разговора о нем. <...> Различаются не только и не столько оценки прошлого, сколько само восприятие реальности. По сути, люди <...> живут в странах с разной историей или даже в разных странах, очертания которых на карте совпадают лишь в силу какой-то ошибки» [Эппле 2020: 11–12]⁶.

Сходные идеи развивает сегодня и норвежский антрополог Т. Х. Эриксен, формулируя проблему несовпадения «карты» и «территории», показывая, каким образом личная идентичность формируется на основе разнообразия социального опыта, где биографическая память столь же избирательна, как и историческая: некоторые события легко забываются, другие истолковываются так, чтобы соответствовать нынешнему состоянию, к которому человек хочет принадлежать («никогда не поздно получить трагическую историю или счастливое детство, если оно кому-то нужно»), третьи могут быть более или менее вымышленными, а четвертые – трудно изменить [Eriksen 2015: 19]. «В этом смысле личные биографии напоминают национальную историографию и религиозные мифы происхождения. Личный опыт так же пластичен, как национальная история, ни больше, ни меньше. <...> ...Некоторые факты о нас неизменны. Их можно отрицать, но они продолжают возвращаться...» [Eriksen 2015: 19]. Однако вытеснение культурных травм дорого обходится и отдельному человеку, и всему обществу: оздоровление же начинается с их переживания и сознательной проработки.

Заключение. История не повторяется, лишь когда люди, сообщества, страны извлекают из нее уроки, опыт осмысления и самокритики. Культура, образование, просвещение – ценности повзрослевшего человечества. Однако все завоевания прогресса держатся эстафетой усилий сменяющих друг друга поколений. Достижения цивилизации хрупки: без педагогической и психологической работы, личной и гражданской ответственности, и нации, и отдельные люди легко утрачивают идеалы гуманизма. «История Европы двадцатого века демонстрирует нам, что общества с легкостью дезинтегрируются,

6. В этом контексте весьма показательна «война мемуаров» – дискуссии вокруг книг историков Е. В. Гутновой и А. Я. Гуревича. «При том, что все названные участники событий (кроме Баткина) были выпускниками ... кафедры средних веков МГУ и учились у одних и тех же учителей, конфликты памяти в этом общем для спорящих сторон пространстве оказывались тем более острыми» [Бессмертная 2020: 81].

демократии рушатся, этика отступает и обычные люди обнаруживают себя на краю расстрельных ям с автоматами в руках. Сегодня было бы полезно понять, почему так происходит» [Снайдер 2018: 10].

Исследованию последнего вопроса посвящено в наши дни немало книг, однако большинство из них существуют за рамками образовательных программ. Потому-то столь важно не только взлеты и достижения русской культуры, но и скорбные страницы истории XX в. собственными усилиями превращать в предмет размышлений и публичных дискуссий.

(Первая часть размещена: Поволжский педагогический поиск. 2021. №2(36). С. 8–21)

Литература и источники

Литература:

1. Агнiewicz Н. Твои наркомы у тебя дома / стихи Н. Агнiewiczа; картинки К. Елисеева, К. Ротова. М.: Октябренок, 1926. 14 с.
2. Алпатов В. М. Языковеды, востоковеды, историки. М.: Языки славянских культур, 2012.
3. Алпатов В. М. Репрессированные японисты // Япония 1989. Ежегодник. М.: Наука, 1991. С. 310–319.
4. Алымов С. С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. №97. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/3/kosmopolitizm-marrizm-i-prochie-grehi-otechestvennye-etnografy-i-arheologi-na-rubezhe-1940-8212-1950-h-godov.html> (дата обращения: 12.02.2021).
5. Арндт Х. Люди в темные времена. М.: Московская школа политических исследований, 2003. 312 с.
6. Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 284 с.
7. Богданчиков С. А. Открывая Г. И. Челпанова: научная монография. М.: Директ-Медиа, 2013.
8. Бессмертная О. «Война мемуаров»: мотивы страха в рассказах о советском прошлом двух медиавистов-противников и (не)советские субъективности (Е. В. Гутнова и А. Я. Гуревич // Новое литературное обозрение. 2020. №2(162). С. 79–103. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/povoe_literaturnoe_obozrenie/162_nlo_2_2020/article/22079/ (дата обращения: 19.03.2021)
9. Гончаров В., Нехотин В. (Сост.). Просим освободить из тюремного заключения (письма в защиту репрессированных). М.: Современный писатель, 1998. 208 с.
10. Гусельцева М. С. Государственная академия художественных наук: традиции и современность. Часть 1: Незавершенная история. // Поволжский педагогический поиск. 2021. №2 (36). С. 8–21.
11. Гусельцева М. С. Интеллектуальные традиции российской психологии (культурно-аналитический подход): монография. М.: Акрополь, 2014. 424 с.
12. Гусельцева М. С. История российской педологии: к проблеме поиска новых интерпретационных моделей развития науки в авторитарных системах. Часть первая: К постановке проблемы // Поволжский педагогический поиск. 2018. №1. С. 20–33.
13. Гусельцева М. С. Психология повседневности в свете методологии латентных изменений. М.: Акрополь, 2019. 375 с. [Электронный ресурс]. URL: [http://mhp-journal.ru/upload/Library/Guseltseva_MS_\(2019\)_Methodology_of_Latent_Changes.pdf](http://mhp-journal.ru/upload/Library/Guseltseva_MS_(2019)_Methodology_of_Latent_Changes.pdf)
14. Дзюра А. И. Непонятая и «репрессированная» наука, или о драме развития отечественной психологии в 20-30 гг. XX века (взгляд с методологических позиций «ноосферного реализма») // Вестник Академии знаний. 2012. №2. С. 14–25.
15. Дмитриева Н. А. «Летучий голландец» российской интеллигенции: Очерки истории «философского парохода» // Скепсис. Научно-просветительский журнал. 2005. №3–4. [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.ru/library/id_2593.html (дата обращения: 07.08.2013).
16. Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М.: РОССПЭН, 2007. 512 с.
17. Добренко Е. А. Поздний сталинизм: Эстетика политики. Т. 1-2. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 712 с.
18. Добренко Е., Тиханов Г. История русской литературной критики. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 792 с.
19. Есиневиц А. А. Мнимые вредители. «Шахтинское дело». «Дело Промпартии». СПб.: Тип. СПГУТД, 2004. 47 с.
20. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 740 с.
21. Калинин И. (ред.). «Холодная гражданская война». Раскол венгерского общества: сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 221 с.
22. Масолик Н. Ю., Сорокина М. Ю. (авт.-сост.). Российское научное зарубежье: Материалы для библиографического словаря. Вып. 2. [Пилотный]: Психологические науки: XIX – первая половина XX в. М.: Дом русского зарубежье им. А. Солженицына, 2010. 120 с.

23. Мильдон В. И. Серебряный век или русский Ренессанс? // Вестник культурологии. 2013. №1(64). С. 5–31.
24. Огрызко В. Дело академиков // Литературная Россия. 10 октября 2019. №37. [Электронный ресурс]. URL: <https://litrossia.ru/item/delo-akademikov/> (дата обращения: 18.03.2021).
25. Орлов В. П. Репрессированные геологи. Биографические материалы. М.; СПб.: Роскомнедра, 1995. 210 с.
26. Павленко Н. И. «Академическое дело». Историки под прицелом ОГПУ // Наука и жизнь. 1999. №1. С. 26–30. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/9908/> (дата обращения: 19.03.2021).
27. Пастухов В. Б. Рационализация зла // Вечерние вести. 15 декабря 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazetavv.com/news/ukraine/1418650400-ratsionalizatsiya-zla.html> (дата обращения: 12.02.2021).
28. Полева Н. С. Сравнительно-исторический анализ психологических концепций научной школы Государственной академии художественных наук: дис. канд. психол. наук. М., 1999. 178 с.
29. Поливанов М. К. и др. (Сост.) Шпет в Сибири: ссылка и гибель. Томск: Водолей, 1995. 336 с.
30. Северцева О. С. (Сост.). Александр Георгиевич Габричевский: Биография и культура: Документы, письма, воспоминания. М.: РОССПЭН, 2011. 775 с.
31. Снайдер Т. О тирании. 20 уроков XX века. М.: CORPUS, 2018. 192 с.
32. Сорокина М. Ю. Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // Личность и власть в истории России XIX–XX вв. Материалы научной конференции. СПб.: Нестор, 1997. С. 248–254.
33. Стоюхина Н. Ю. К списку репрессированных психологов #1// История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. №1. С. 90–107.
34. Стоюхина Н. Ю. Репрессированная наука: драма жизни и судьбы ученого, «умершего в своей постели» // Cogita.ru. 14.01.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cogita.ru/a.n-alekseev/andrei-alekseev-1/repressirovannaya-nauka-drama-zhizni-i-sudby-uchenogo-abumershego-v-svoei-postelilbb> (дата обращения: 17.03.2021).
35. Тумаркин Д. Д. (Сост.). Репрессированные этнографы. Вып. 1. М.: Восточная литература РАН, 2002.
36. Тураев С. В. (Сост.). Люди, будьте бдительны! Сборник антифашистской прозы зарубежных писателей. М.: Просвещение, 1984. 319 с.
37. Фучик Ю. Репортаж с петлей на шее // Фучик Ю. Избранное. М: Правда, 1956. С. 621–714.
38. Фучик Ю. Слово перед казнью. М.: Гос. изд. иностр. лит., 1947. 163 с.
39. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. №1. С. 47–62.
40. Чейлефф А. Осознанное неподчинение: Как реагировать на спорные распоряжения. М.: Альпина Паблишер, 2019. 235 с.
41. Эппле Н. В. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. М. Новое литературное обозрение, 2020. 576 с.
42. Якименко Ю. Н. Из истории чисток аппарата: академия художественных наук в 1929–1932 гг. // Новый исторический вестник. М., 2005. №1 (12). С. 150–161.
43. Ярошевский М. Г. (Ред.). Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. 560 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.ihtst.ru/projects/sohist/os.htm> (дата обращения: 15.02.2021)
44. Ясницкий А., Завершнева Е. Об архетипе советской психологии как научной дисциплины и социальной практики // Новое литературное обозрение. 2009. №100. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/6/ob-arhetipe-sovetskoj-psihologii-kak-nauchnoj-discipliny-i-soczialnoj-praktiki.html> (дата обращения: 12.02.2021).
45. Ясницкий А., Ламдан Э. “В августе 1941-го”: Неизвестное письмо А. Р. Лурии в США как зеркало ревизионистской революции в историографии русской психологии // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. №2. С. 225–292.
46. Eriksen T. H. Divided by a Shared Destiny: An Anthropologist's Notes from an Overheated World // Eriksen T. H., Garsten C., Randeria S. (Eds.). Anthropology now and next. Essays in Honor of Ulf Hannerz. Brooklyn: Berghahn Books, 2015. 324 p. P. 11–28.
47. Zigon J. Making the New Post-Soviet Person: Moral Experience in Contemporary Moscow. Leiden: Boston Brill, 2010. 257 p.

Источники:

48. Акимова М. Ученые ГАХН дома и на следствии. Доклад на семинаре «Москва. Места памяти» // Уроки истории XX век. [Электронный ресурс]. URL: <https://urokiistorii.ru/article/52560> (дата обращения: 15.02.2021).
49. Гейвандов А. Дело фашизированного словаря // Diletant.Media. 13 августа 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://diletant.media/blogs/60957/42892580/> (дата обращения: 09.09.2021).
50. РГАЛИ. Фонд 941. Оп. 10. Ед. хр. 675. Л. 22–31об. Отчет о научной работе Г. И. Челпанова (1921–1929).
51. Петровский Михаил Александрович (1887–1937) // Мартиролог. Томский мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». [Электронный ресурс]. URL: <https://nkvд.tomsk.ru/researches/passional/petrovskij-mihail-aleksandrovich/> (дата обращения: 09.09.2021).

Статья поступила в редакцию: 22.03.2021